

Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье

Татьяна Алексеевна Шигурова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье рассматриваются особенности нагрудных украшений локального варианта традиционной одежды мокшанских женщин Инсарского уезда Пензенской губернии.

Материалы и методы. Исследованы и обобщены сведения о мокшанском женском костюме Пензенской губернии из письменных источников Русского географического общества середины XIX в., сообщений, опубликованных в Пензенских епархиальных ведомостях, а также из историко-этнографических работ XIX в. Сделана попытка сравнить письменные свидетельства о нагрудных украшениях с визуальными материалами археологических раскопок языческого могильника XVIII в., проводившихся около с. Левжа летом 2021 г. Методологическую базу исследования составили сравнительно-исторический метод, а также методы сравнения и сопоставления материалов письменных и изобразительных источников, анализа их содержания.

Результаты исследования и их обсуждение. Специфика нагрудных украшений мокшанского женского костюма середины XIX в., выявленная в результате реконструкции и анализа форм изделий, материалов, технологии изготовления и (аутентичных) наименований украшений, свидетельствует о сложных процессах этногенеза в XVII–XVIII вв., обусловленных переселением значительного количества эрзянского населения в южном и юго-восточном направлениях. Кроме того, стремительные изменения декора были связаны с развитием капитализма в России, христианизацией мордовского народа.

Заключение. Уникальность нагрудных украшений середины XIX в. в мокшанском костюме, обусловленная синтезом элементов *кирмиш*, *сие*, *крганя*, *кыргавакс*, которые бытовали в с. Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда, может быть использована для картографирования материальной культуры мордовского этноса. Будучи результатом созидательной деятельности мордовской женщины, украшения являлись источником социально значимой информации о мире, овеянной в визуальной, эстетической и материальной формах.

Ключевые слова: мордовский народ, этническая культура, традиционный мокшанский костюм, нагрудные украшения, Русское географическое общество, археологические раскопки, языческий могильник XVIII в.

Для цитирования: Шигурова Т. А. Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 368–379. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.368-379.

Введение

Традиционная культура мордовского народа, до конца XIX в. представлявшая собой системное целостное образование и включавшая материальные, духовные, художественные элементы, являлась результатом созидательной деятельности человека, направленной на преобразование себя и окружающего мира в соответствии со сложившимися ценностями и отношением к миру. Письменное наследие Русского географического общества (РГО)

сохранило до наших дней разнообразие и богатство этнической самобытности дореволюционной крестьянской России. В рукописных источниках 2-й половины XIX в. есть немало сведений о культуре мордовского народа. Так, не позднее 1855 г. в РГО было отправлено сообщение священнослужителя Петра Секторова, содержащее описание «женского костюма мордвы, в коем заключается много достойного замечания для любознательно-

сти человека»¹. Автором добросовестно и подробно зафиксированы особенности разных элементов женской одежды, бытовавшей в селениях Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда Пензенской области (ныне относящихся к Рузаевскому району Республики Мордовия): «Платье у всех мордвов одинаковое по форме с различными только украшениями, смотря по достатку и моде»².

Предпринятое нами исследование является продолжением предыдущих публикаций [18; 20]. Поскольку локальный вариант традиционного костюма данной местности известен сейчас лишь по малодоступным источникам середины XX в., целью данной статьи стало выявление специфики нагрудных украшений, используемых для их создания материалов, изменений в цветовых предпочтениях, а также изучение функций украшений, технологии изготовления декоративно-прикладного произведения, степени распространения аутентичной терминологии. Результаты исследования будут полезны для решения проблем реконструкции традиционного костюма середины XIX в. и картографирования элементов материальной, духовной, художественной культуры мокшанского этноса.

Научный интерес представляет возможность визуального наблюдения нагрудных украшений XIX в. и их сравнения с артефактами XVII–XVIII вв., полученными в ходе проведенных липецкими специалистами ООО «Экспедиция» (генеральный директор И. А. Козмирчук, руководитель полевых исследований Н. А. Тропинин) летом 2021 г. археологических исследований дохристианского мордовского могильника конца XVII – 1-й половины XVIII в. Могильник был обнаружен в ходе дорожно-строительных работ около Левжи. Недоумение липецких ученых вызвали находки в мокшанских погребениях эрзянских женских

украшений³. В ожидании будущих публикаций по результатам изучения материалов раскопок со стороны авторитетных исследователей (в их числе следует назвать реставратора высшей категории, художника-реставратора (по тканям) Музеев Московского Кремля, заведующего мастерской реставрации кожи и археологического текстиля Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря Н. П. Синицыну; научного сотрудника Волго-Донского археологического общества С. М. Шашунову) позволим себе воспользоваться информацией, размещенной в Интернете в свободном доступе.

Обзор литературы

Теоретико-методологическая база исследования включает работы представителей передовой российской интеллигенции, проявивших в конце XIX – середине XX в. глубокую заинтересованность мордовским народным костюмом и восхищавшихся высоким уровнем художественного вкуса мастериц. Научные труды В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. А. Крюковой, Н. И. Спрыгиной, А. О. Гейкеля считаются сегодня образцом достоверных сведений, обобщающих знания о мордовском костюме и его украшениях, а также примером глубокого исторического, этнографического, искусствоведческого осмысления произведений декоративно-прикладного искусства [2; 3; 6; 11; 15; 21].

Центральное положение застежки ворота в женском костюме определяет интерес к ней различных специалистов. В 1923 г. В. В. Гольмстен впервые было проанализировано различие у мокши и эрзи путей преобразования формы застежки, начавшегося в 1-м тыс. н. э. от маленьких колец с завернутыми спирально концами, от пряжки с круглым кольцом и застежки из тонкой круглой штампованной пластины

¹ НА РГО (Научный архив Русского географического общества). Ф. Р-ЛШ. Рукописи трудов о народностях Европейской России (этнография, фольклор). Оп. 1. Д. 48. П. Секторов. Этнографические сведения о мордвях. 1855. Л. 1.

² Там же. Ф. Р-XXVIII. Рукописи трудов по Пензенской губернии. Оп. 1. Д. 20. П. Секторов. Этнографические сведения о жителях Сузгарского погоста Николаевского тож Инсарского уезда Пензенской губернии. 1854. Л. 6.

³ URL: https://vk.com/wall-121240930_122475 (дата обращения: 26.07.2021).

(II–VII вв.) [7; 6, 9–15]. Стремление ученых определить специфику археологических артефактов – украшений, связанных с мордвой-мокшей и мордвой-эрзей, привело к разделению археологических памятников на южные (мокшанские) и северные (эрзянские). В 1950-е гг. А. Е. Алихова в качестве начала появления различий обозначила период XII в., относя к мокшанским украшениям *пулокери* и *сюльгамы* с лопастями, а к эрзянским – миниатюрные *сюльгамы* и несколько типов браслетов [1]. Ее авторитетное мнение позволило в дальнейшем ученым-археологам использовать *сюльгамы* в качестве этноопределяющего признака культуры: кольцевые застежки стали считаться типичными для мордвы-эрзи, лопастные – для мордвы-мокши⁴ [1; 5].

Изучение женских украшений мордовского костюма в начале XXI в. было продолжено в монографиях Н. Ф. Беляевой, Г. А. Корнишиной, Т. А. Шигуровой, где внимание акцентируется на использовании украшений, выполняющих магическую, обереговую, воспитательную, знаковую функции в народных обычаях и обрядах [4; 9; 10; 19]. Следует отметить, что к материалам мокшанского костюма середины XIX в. с Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда исследователи не обращались.

Материалы и методы

В качестве основного письменного источника автором использованы сообщения священнослужителя Петра Секторова, отправленные в середине XIX в. в РГО. Для анализа женских украшений, бытовавших на территории Пензенской губернии, и проведения сравнительно-сопоставительных исследований немалый интерес представляют публикации А. Примерова [14] и А. О. Гейкеля [21]. Достоверность выявленной ими информации подтверждают этнографические материалы коллекций традиционного костюма, хранящиеся в Мордовском республиканском объединенном краеведче-

ском музее имени И. Д. Воронина, полевые материалы автора, археологические исследования, проведенные в 2021 г. на данной территории.

Опора на общенаучные методы, а также на сравнительно-исторический, системный, искусствоведческий подходы позволяет изучить формы, материалы, технологии изготовления декоративного убранства традиционной женской одежды, способствует определению самобытности и великолетия украшений из локального варианта мордовского костюма.

Результаты исследования и их обсуждение

Для традиционного женского костюма мордовского народа в XIX – начале XX в. было характерно обилие украшений. Женщины связывали это с гармонией мордовского многоголосия: один голос – песня не состоится, одни бусы – не украшение. На привлекательность народной одежды мокшанских селений Инсарского уезда Пензенской губернии Левжа, Перхляй, Сузгарье указывал П. Секторов: «Полный женский наряд, особенно девичий и молодых женщин, довольно красив»⁵. Восхищение аутентичными предметами мордовской одежды высказывал И. А. Козмирчук: «Неизгладимое впечатление оставило знакомство с мордовскими костюмами, комплексами украшений и деталями женского убранства»⁶.

Особенно богатыми были украшения, располагавшиеся в символическом центре тела человека, декоративно оформлявшие область грудной клетки. Обязательным элементом традиционного женского костюма мордвы (мокши и эрзи) была застежка *сюльгам/сюльгамо*, употреблявшаяся для закрепления ворота рубахи, пояса, краев верхней распашной одежды. Происхождение названия застежки лингвисты связывают с глаголом *сюльгамс* ('заострить'), существовавшим еще в финно-угорском языке-основе и сохранившим близкие соответствия в родственных языках: хантыйском *sol* ('кол'), эстонском *solg* ('брошь, застежка'),

⁴ См.: Корнишина Г. А., Шитов В. Н. Сюльгама // Мордовия: энцикл. В 2 т. Саранск, 2004. Т. 2 (М – Я). С. 388.

⁵ НА РГО. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

⁶ URL: https://vk.com/wall-121240930_122475 (дата обращения: 26.07.2021).

Рис. 1. Мокшанская форма застежки. Левжа. Конец XVII – начало XVIII в.

Fig. 2. Moksha form of the clasp. Levzha. Late XVII – early XVIII century

финском *solki* ('пряжка'), марийском *шолкама* ('застежка')⁷.

В. Н. Майнов сообщал в 1878 г.: «Рубаха никогда не делается с пуговицами у ворота, а просто закалывается сустугом или тем, что римлянам известно было под именем фибулы» [12, 127]. Долгая и сложная история застежки как вида украшения, подтвержденная бытованием ее у греков, этрусков (северных соседей римлян, VIII–V вв. до н. э.), в 1-м тыс. н. э. продолжилась на территории Окско-Сурского междуречья. Кругло-проволочные застежки, обнаруженные во впускных погребениях Андреевского кургана (I–III вв. н. э.), относящегося к периоду трансформации городецкой культуры в древнемордовскую, стали типичными для мордовских могильников 1–2-го тыс. н. э.: «Все застежки однотипны и различаются только по размерам» [16, 38]. Имея первоначально утилитарное значение, застежка выполняла в costume ряд социальных, магических, декоративных, знаковых функций, что подтверждается ее широким распространением, разнообразием использования и сохранением в качестве этноопределяющего признака культуры⁸ [3; 5].

По свидетельству П. Секторова, в первой половине XIX в. форма нагрудной застежки традиционного женского ко-

стюма Левжи, Сузгарья и Перхляя была аналогична ее типично эрзянской форме. Для скалывания ворота рубашки «весь женский пол употребляет заостренную тонкую проволоку, вделанную в медную полую проволоку, которую загибают, подобно кольцу величиною с гривну меди времен Императора Александра I с раздвоенными концами...»⁹.

Фотографии застежек, сделанные во время археологических исследований могильника в Левже, дают нам визуальную информацию о бытовании в конце XVII – начале XVIII в. обеих форм застежки: эрзянской и мокшанской (рис. 1; 2).

Достаточно сложные технологические приемы изготовления мокшанского украшения: литье, горячая и холоднаяковка, чеканка – могли послужить причиной постепенного перехода к использованию более простой в изготовлении овальной формы. С другой стороны, в XVIII в. был издан ряд царских указов, запрещавших металлообрабатывающие ремесла у народов Среднего Поволжья. Вследствие этого в данный период население использовало одновременно обе формы застежки, а в XIX в. сохранилась лишь кольцевая, эрзянская, форма. Сообщение П. Секторова убедительно свидетельствует о том, что в середине XIX в. эрзянская форма застежки бытовала в качестве единственно рас-

⁷ См.: Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск, 2015. С. 177.

⁸ См.: Корнишина Г. А., Шитов В. Н. Указ. соч. С. 388.

⁹ НА РГО. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

Рис. 2. Эрзянская форма застежки. Левжа. Конец XVII – начало XVIII в.

Fig. 2. Erzya form of the clasp. Levzha. Late XVII – early XVIII century.

пространенной в северо-восточной части локального комплекса костюма.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на смену формы застежки, по сообщению П. Секторова, она по-прежнему имела исконно мокшанское название *кирмиши* (*киръмиши*). Происхождение данного термина структурно-семантически связано со словами *кирнемс/кърмошнемс* ('сжимать'); *кърмоштамс* ('сдавить')¹⁰. Смысловое содержание отглагольного существительного указывает на конкретное практическое назначение предмета. Разнообразие языковой номинации, запечатленное в мокшанских терминах для обозначения застежки на различных территориях (*сюлгамо, щуркас, щурхне, туло, кирмиши*), подтверждает богатство мордовской культуры и мордовских языков. По словам Д. В. Цыганкина, эрзянский и мокшанский языки «сотворены народами эрзи и мокши, а не сочинены, не искусственно созданы. Эти языки безграничны в своих ресурсах...» [17, 203].

Термин *кирмиши* для наименования застежки был распространен в восточной части центрального диалекта мокшанского языка. А. Примеров в 1868 г., описывая мордовский костюм с. Каменный Брод Краснослободского уезда, приводит название *кирмиж-карчина* для медной застежки кругообразной формы, перевитой проволоками, декорированной пуговица-

ми и «висящими крупными пронизками и теньками на медных цепочках» [14, 191]. В. Н. Белицер писала об обнаружении ею в 1950–1960-х гг. кольцевых застежек *кирмиши* в с. Старая Теризморга и Вертелим Старошайговского района Мордовии [2, 113].

Причины изменений в традиционном костюме мокшанских женщин, отказавшихся от использования лопастной формы застежки, заключаются, вероятно, и в том влиянии, которое оказали на этнический состав населения исторические события и последующие мощные миграционные процессы XVII–XVIII вв. Известно, что переселенческое движение в юго-восточном направлении способствовало как смешению населения, так и образованию новых поселений; между тем «письменные источники XVII века фиксируют переселение мордвы-эрзи к востоку и в южном направлении» [18, 94].

П. Секторов дополняет сообщение описанием особенностей декоративного оформления застежки: в ее «...концы, загнутые немного, вделывают какие-либо маленькие камушки, или хрустали... которые обращают женщины и девицы вверх»¹¹.

На одной из фотографий, сделанных в процессе раскопок «левженского» могильника, зафиксированы два типа застежек в костюме погребенной: в верхней части во-

¹⁰ См.: Русско-мокшанский словарь. Саранск, 2012. С. 461.

¹¹ НА РГО. Ф. Р-ЛШ. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

рота располагается кругло-проволочная застежка эрзянского типа с прикрепленным к ней украшением *сие*, в нижней – застежка мокшанского типа, образованная двумя треугольниками. Следует отметить, что использование двух застежек для закрепления разреза ворота женской рубахи было распространено в практике ношения традиционной одежды у эрзянских женщин. Крой эрзянской рубахи с использованием двух точек холста предполагал наличие глубокого треугольного ворота, получаемого незашиваемыми краями ткани. Необходимость глубокого ворота объяснялась практическими соображениями: рубаху можно было при посторонних переодеть в избе. Сверху надевали чистую рубаху, одновременно грязную, благодаря глубокому вороту, спускали вниз. Известно, что молодые женщины и девушки Теньгушевской волости в конце XIX в. с праздничным костюмом носили две застежки: одну – вверху разреза ворота, другую – внизу разреза. Таким образом, фотографии с изображением сохранившихся элементов традиционного погребального женского костюма Левжи конца XVII – начала XVIII в. подтверждают существование в этот период строгих канонов ношения одежды.

В середине XIX в. праздничную «нарядную» застежку *кирмиш* в Левже, Перхлея и Сузгарье носили с украшением *сие*. По описанию П. Секторова, оно представляет собой «от 15 до 20 ниток крупного или до 30 мелкого бисера», которые привязывают к проволоке, загнутой в несколько колец (по числу ниток)¹². Между ниток бисера «нанизывают два или три ряда, на небольшом один от другого расстоянии, в некоторых *сие* – белых и черных хрусталей, а сверху два или три ряда, тоже на некотором один от другого расстоянии, маленьких горизонтальных медных пуговиц, обложив их по обоим краям тонкими медными цепочками»¹³. Наиболее популярным в это время был гранатный,

темно-синий и зеленый бисер. Красный использовался очень редко: «Бисер красного цвета в мордвах стал уже выходить из моды»¹⁴. Таким образом, изменения касались и предпочтений, понимания привлекательности приобретаемого на рынке цвета бисера.

Однако в качестве будничного варианта *сие* женщины продолжают носить застежки, изготовленные ранее из крупного бисера вишневого цвета, дополняя декор тонкой цепочкой и по обоим краям украшения «в трех местах, в верхнем и нижнем концах и в средних прикрепляют по две уловки тонкими концами вместе»¹⁵. Кроме различия в декоративном оформлении праздничный и будничный варианты украшения отличаются друг от друга размером: лучшим считается *сие* длиной «в четверть» (старорусская мера, основанная на расстоянии между раздвинутыми большим и указательным пальцами, примерно равная 18–19 см). *Сие* «низшего достоинства» короче.

Подробное описание автором сообщения особенностей праздничного и будничного вариантов застежки свидетельствует о ее значении и знаковой функции, выполняемой в женском костюме. Символическая роль собственноручно изготовленной вещи подчеркивается избирательностью крестьян в приобретении новых материалов, необходимых для ее создания, предпочтениями цветовых сочетаний бисера, размерами изделия. Поскольку *сие* из бисера красного цвета носили в это время только пожилые женщины, то украшение становилось социально-разделительным знаком, дополняющим информацию о возрасте женщины: «Старухи носят одно простое платье, *сие* из пронизок красного цвета»¹⁶. Комбинацию украшений *кирмиш* и *сие* из Сузгарья, состоящую из кольцевой круглой застежки с плетением из бисера вишневого цвета, чередующегося с более короткими нитками зеленого, и закрепляемыми поверх бисера двумя рядами металлических жетонов,

¹² НА РГО. Ф. Р-ЛШ. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 1.

Рис. 3. Застежка. Сузгарье. Иллюстрация из исследования А. О. Гейкеля [21, табл. LXXXVIII]

Fig. 3. Clasp. Suzgarye. Illustration from the research by A. O. Geikel [21, tab. LXXXVIII]

мы можем видеть на иллюстрации в работе А. О. Гейкеля (рис. 3).

Этимологически термин *сие* восходит к слову, обозначающему материал, из которого изготовлен предмет, – *сия* (‘серебро’) [17, 168]. Результаты раскопок дают представление о том, что в конце XVII – начале XVIII в. для изготовления центральной части нагрудного украшения использовались серебряные монеты времен Михаила Федоровича, что отражено в самом названии украшения, концентрирующем один из устойчивых смыслов этнокультуры, связанный с ценностью серебра.

Обращают на себя внимание также некоторые параллели в использовании термина *сие* в других локальных вариантах эрзянского и мокшанского костюмов. Например, П. С. Паллас во время путешествия по России, направляясь в сентябре 1768 г. от Инсара к Пензе, так пишет о костюме мокшанских женщин: «У грудной пряжки

(*шуркас*) пришит щиток (*сия*), унизанный бисером и болобочками, и по тому тяжести своею превосходит эрзянскую грудную пряжку» [13, 109]. По свидетельству В. Н. Белицер, у эрзянок в с. Старая Бесовка Ульяновской области существовало традиционное нагрудное украшение *сиянь колодка* (‘серебряная колодка’ – из-за нашитых на нее серебряных монет) [2, 120].

П. Секторов упоминает еще одно нагрудное украшение мокшанских женщин рассматриваемых сел, называемое им по-русски «бусы», «ожерелье»: «Для украшения взрослые девицы и недавно вышедшие замуж женщины надевают на шею богатые ниток до 5 и 6, а бедные до 2–3, связывая их концами вместе, серебряных, медных денег, перенизанных с белыми, черными, у некоторых – красными хрусталими»¹⁷. Украшение имеет мокшанское название *крганя*. Технология низания *крганя* в середине XIX в. заключалась в чередовании двух белых и двух черных бусин с включением между ними двугривенника на медной тонкой проволоке. Шесть нитей располагались на груди друг за другом, покрывая ее полностью.

Постигая каноны православной веры, мордовские женщины открыто демонстрировали поклонение новому богу изменениями в нагрудном украшении. В центре самой длинной нити на *крганя* они прикрепляли медный крест, и только некоторые продолжали добавлять к ожерелью традиционный символ – маленькую медную гребенку. Известно, что принятие православия сузгарскими крестьянами состоялось в 1743 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны. Первоначально они входили в приход с. Рузаевка, а первая деревянная церковь (Никольская) в Сузгарье была построена в 1793 г. В середине XIX в. П. Секторов отмечал: «Село Сузгарье Николаевское тож расположено на пространстве 411 кв. сажен. В 50-х гг. его возвышается деревянный храм во имя св. чудотворца Николая. Жителей в селе считается по 9 ревизии 396 душ мужского пола, все мордва-мокша, казенные крестьяне (два моих прихода в д. Пирхляях и

¹⁷ НА РГО. Ф. Р-ЛШ. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

Лемже)»¹⁸. Православные храмы в Левже и Перхляе были построены в 1860-е гг.

До принятия христианства мордовские женщины активно участвовали в коллективных религиозных действиях, исполняли в соответствии с традицией семейные обычаи и обряды, «во многих случаях руководили обрядовым поведением всей общины» [8, 107]. Так, накануне Нового года в каждом доме проводился молян: «...хозяйка просила Пакся аву (божество поля) уродить хлеб. Затем она брала в руки чашку со специально приготовленными из теста орешками и молила Вирь аву (божество леса) об урожае орехов. В некоторых местах это моление совершалось около водного источника. На берегу раскладывали ритуальную еду и просили верховного бога Вере паза и богиню урожая Норов аву, а также покойных предков о хорошем урожае и добром здоровье» [10, 24]. Возвышение в центре мордовских сел православного храма, а возможно, и убедительность, ораторские способности, костюм священнослужителя влияли на эмоциональную женскую натуру, привыкшую на равных с мужчиной брать на себя ответственность за семейное благополучие, что отразилось в появлении повсеместно в нагрудных украшениях православного символа.

По-прежнему незыблемыми оставались в это время кровные связи, семейные ценности. Подтверждением служат примеры включения в женское нагрудное украшение «пучка волос» в качестве памяти о взятом в солдаты родственнике.

Таким образом, с помощью ожерелья мокшанское население получало информацию о материальном положении носителя костюма, приверженности коллективной традиции, желании соответствовать православной вере, возрасте женщины: «...пожилые женщины и старухи совершенно не употребляют сего наряда»¹⁹.

П. Секторов сообщал и об изменениях, которые затрагивали эстетические предпочтения мордовских женщин, связанные

с веяниями моды или появлением новых товаров на сельском рынке. Так, по поводу *крганя* он писал: «В старину употребляли вместо денег и хрустелей несколько низок красного самого крупного бисера»²⁰. Подобное нагрудное украшение, бытовавшее в конце XIX в. в селах Краснослободского уезда, зафиксировано М. Е. Евсевьевым. Оно изготавливалось из разноцветных стеклянных (граненых, гранитных) бус с подвесками на медных цепочках медных жетонов в виде замкнутого кольца, надевавшегося через голову, в с. Пичингуши (ныне Ельниковского района Мордовии).

Уточняя этнографические сведения о костюме жителей Сузгарского погоста, П. Секторов упоминал об украшении *кыргавакс* – своеобразном воротнике вокруг шеи, который женщины шили из фабричной ткани (кумача) с полотняной подкладкой. Сверху *кыргавакс* обшивали несколькими нитями крупного бисера красного или черного цвета с маленькими медными пуговицами в середине. По краям с двух сторон прикрепляли медную цепочку. Некоторые незамужние девушки добавляли к нижнему краю подобного ожерелья по несколько штук круглых «дутых небольших медных пуговиц»²¹.

Завершением декоративного убранства богатых девиц и молодых женщин, недавно вышедших замуж, был расстилаемый по плечам фабричный шелковый «пунцовый или светло-гранатный с мишурными цветами платок, сложенный вдвое на угол»²².

Заключение

Середина XIX в. в мордовском обществе стала временем изменений, обусловленных не только развитием капитализма в России, но и сложностью предшествующих событий истории крестьянской России, процессов этногенеза мордовского народа, поисками новой духовной опоры в связи с христианизацией и теряющим силу язычеством. Высокие требования, предъявляемые этнокультурой к замужней женщине,

¹⁸ Там же. Ф. Р-XXVIII. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Ф. Р-XXVIII. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.

²² Там же. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

предписывали соблюдение ею религиозных, нравственных канонов, совершения семейных обычаев, а в более зрелом возрасте и общественных ритуалов. Ярко выраженный полифункциональный характер нагрудных украшений в женском традиционном мокшанском костюме определялся социально значимой информацией, транслируемой в границах этнокультуры, отражал изменение представлений о мире. В локальном варианте мокшанского женского костюма с. Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда Пензенской губернии в это время можно обнаружить стремление человека объединить и гармонизировать с помощью народной созидательной традиции различные религиозные и культурные символы, традиционные и новые материалы, знакомые и новые технологии.

Застежка мокшанского населения указанных выше селений, сохраняя старинное наименование *кирмиш*, приобретает эрзянскую форму овала. Утрачиваются прежние цветовые предпочтения народа: красные, вишневые оттенки бисера, используемого для изготовления *сие*, теряют популярность, уступая место строгости сочетания белого, черного, зеленого цветов. Возвышение в центре мордовских сел православного символа, а возможно, и убедительность, ораторские способности священнослужителей местных храмов объясняют появление креста в нагрудном украшении молодых женщин, старательно относящихся к своим обязанностям в семье, стремящихся осмыслить новую планку духовности. Пошатнувшаяся вера в мордовских богов и языческие обряды, осознание ненужности активного участия женщины в православном обряде обуславливают пересмотр ценностных парадигм, что отражается также в традиционном женском костюме – ключевом элементе материальной, духовной, художественной культуры народа. Утрата застежкой ворота важного смыслового содержания, этнопре-

деляющего и магического значения приводит к исчезновению центрального нагрудного аксессуара традиционной мордовской одежды. Нагрудные украшения сохраняют только эстетическую функцию, способствующую их быстрым изменениям в соответствии с веяниями моды и проникновением на рынок новых товаров.

Научная ценность этнокультурных сведений П. Секторова состоит в том, что благодаря им до нас дошли аутентичные наименования нагрудных украшений, которые в современной мокшанской речи уже не употребляются; сведения о бытовании подлинных изделий, созданных народными мастерицами, о реальной форме не сохранившейся до наших дней застежки ворота рубахи, о бисерном воротнике и бусах из стекляруса и монет, которые носили мокшанские женщины конкретных селений. Кроме того, сохранилась информация о бытовавших в то время эстетических потребностях общества, выраженных в изменении материалов, использовавшихся для оформления нагрудных украшений и обновления цветовых сочетаний.

Понимание закономерностей формирования традиционного костюма как важнейшего компонента мордовской культуры открывает новые возможности для правильного восприятия и осмысления ее истории и развития. Полученные результаты могут найти применение в решении сложных задач современности: высокий потенциал мордовской культуры актуален для использования в декоративно-прикладной деятельности, в современном дизайне. Научная база статьи заполняет некоторые «белые пятна» картографирования материальной культуры мордовского народа. С опорой на этнографические свидетельства можно определить территорию тех или иных особенностей аксессуаров традиционного мокшанского костюма, а также их фиксации в диалектной лексике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 13–54. (Археологический сборник; т. 2).
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 220 с. (Труды Мордовской этнографической экспедиции; вып. 3).
3. Белицер В. Н. Мордовские сюгамы // Советская археология. 1977. № 2. С. 193–200.

4. Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2000. 262 с.
5. Вихляев В. И., Кемаев Е. Н. Лопастные сюльгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 110–118. DOI: 10.24852/ра2019.4.30.110.118.
6. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья: (Материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашигосиздат, 1960. 232 с.
7. Гольмстен В. В. Хронологическое значение эволюции древних форм // Известия Самарского государственного университета. Самара, 1923. Вып. 5. С. 1–20.
8. Корнишина Г. А. Женщина в традиционном мордовском обществе // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2022. С. 106–112.
9. Корнишина Г. А. Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2002. 68 с.
10. Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, форма бытования. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2000. 150 с.
11. Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство: Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 121 с.
12. Майнов В. Н. Один день среди «мокши» (Отрывок из записной книжки) // Древняя и Новая Россия. 1878. Т. 3, № 10. С. 117–134.
13. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии Наук: в 3 ч. Ч. 2, кн. 2. 1770 год. СПб.: Императ. Академия Наук, 1786. 575 с.
14. Примеров А. Село Каменный-Брод Краснослободского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // Пензенские епархиальные ведомости. 1872. № 6. С. 185–194.
15. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 года. Пенза: Типолит. им. Воровского, 1928. 46 с. (Средне-Волжский Пензенский областной музей; вып. 3).
16. Степанов П. Д. Андреевский курган: К истории мордов. племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.
17. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. Ч. 3. 244 с.
18. Шигурова Т. А. Женский костюм мордвы-мокши Инсарского уезда Пензенской губернии XIX века: локальные особенности // Человек и культура. 2021. № 4. С. 91–105. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36337.
19. Шигурова Т. А. Костюм мордовского народа в обычаях и обрядах: моногр. М.: ИНФРА-М, 2020. 171 с.
20. Шигурова Т. А. Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов // Человек и культура. 2023. № 3. С. 69–84. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40553.
21. Heikel A. O. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1899. XXVII S.

Поступила 23.04.2022; одобрена 25.09.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. А. Шигурова – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

Breast decorations of the middle of the XIX century in the Moksha women's costume of the Insar district: a local version of the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye

Tatiana A. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The article discusses the features of the breast decorations of the local version of the traditional clothing of the Moksha women of the Insar district of the Penza province.

Materials and Methods. The data on Moksha women's costume of Penza province from written sources of the Russian Geographical Society of the mid-XIX century, reports published in the Penza diocesan bulletins, as well as from historical and ethnographic works of the XIX century are studied and summarized. An attempt is made to compare written evidence about breast jewelry with visual materials of archaeological excavations of a pagan burial ground of the XVIII century, conducted near the village of Levzha in the summer of 2021. The methodological basis of the study was the comparative-historical method, as well as methods of comparison and contrast of written and visual sources, and analysis of their content.

Results and Discussion. The specificity of breast ornaments of Moksha women's costume of the mid-XIX century, revealed as a result of reconstruction and analysis of the forms of products, materials, manufacturing technology and (authentic) names of jewelry, testifies to the complex processes of ethnogenesis in the XVII–XVIII centuries, caused by the resettlement of a significant number of the Erzya population in the south and southeast directions. In addition, the rapid changes in decoration were associated with the development of capitalism in Russia and the Christianization of the Mordovian people.

Conclusion. The uniqueness of breast decorations of the mid-XIX century in the Moksha costume, due to the synthesis of elements *kirmish*, *sie*, *krjanya*, *kyrgavax*, which were used in the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye of Insar uyezd, can be used for mapping the material culture of the Mordovian ethnos. Being the result of creative activity of a Mordovian woman, jewelry was a source of socially significant information about the world, embodied in visual, aesthetic and material forms.

Keywords: Mordovian people, ethnic culture, traditional Moksha costume, breast decorations, Russian Geographical Society, archaeological excavations, pagan burial ground of the XVIII century

For citation: Shigurova TA. Breast decorations of the middle of the XIX century in the Moksha women's costume of the Insar district: a local version of the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:368–379. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.368-379.

REFERENCES

1. Alikhova AE. From the history of the Mordovians of the end of the I – the beginning of the II millennium AD. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda* = From the ancient and medieval history of the Mordovian people. Saransk; 1959;2:13–59. (In Russ.)
2. Belitser VN. Folk clothing of the Mordovians. Moscow; 1973;3. (In Russ.)
3. Belitser VN. Mordovian sulgams. *Sovetskaya arkheologiya* = Soviet archeology. 1977;2:193–200. (In Russ.)
4. Beliaeva NF. Traditional education of children among Mordovians. Saransk; 2000. (In Russ.)
5. Vikhlyayev VI, Kemaev EN. The syul'gamas with triangular blades as ethnicity marking indicator of medieval Mordovian culture. *Povozhskaya arkheologiya* = The Volga River Region Archaeology. 2019;4:110–118. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2019.4.30.110.118.
6. Gagen-Torn NI. Women's clothing of the peoples of the Volga region: (Materials on ethnogenesis). Cheboksary; 1960. (In Russ.)

7. Gol'msten VV. Chronological significance of the evolution of ancient forms. *Izvestiia Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = News of Samara State University. Samara; 1923;5:1–20. (In Russ.)
8. Kornishina GA. A woman in traditional Mordovian society. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: materialy XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Traditional societies: the unknown past. Materials of the XVIII International scientific and practical conference. Chelyabinsk; 2022:106–112. (In Russ.)
9. Kornishina GA. Iconic functions of Mordvinian folk clothing. Saransk; 2002. (In Russ.)
10. Kornishina GA. Traditional customs and rituals of the Mordovians: historical roots, structure, form of existence. Saransk; 2000. (In Russ.)
11. Kriukova TA. Mordovian folk fine arts: Embroidery, beadwork, patterned weaving, wood carving. Saransk; 1968. (In Russ.)
12. Mainov VN. One day among “moksha” (Excerpt from a notebook). *Drevniaia i Novaia Rossiia* = Ancient and New Russia. 1878;3;10:117–134. (In Russ.)
13. Pallas PS. Travel to different places of the Russian state at the behest of the Saint-Petersburg Imperial Academy of Sciences. Saint-Petersburg; 1786;2;2. (In Russ.)
14. Primerov A. The village of Kamenny-Brod, Krasnoslobodsky district. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti* = Penza Diocesan Gazette. 1872;6:185–194. (In Russ.)
15. Sprygina NI. Clothing of the Mordovians-Moksha of Krasnoslobodsky and Bednodemyanovsky districts of the Penza province: Based on materials from the 1925 expedition. Penza; 1928;3. (In Russ.)
16. Stepanov PD. St. Andrew's Kurgan: On the history of the Mordovian tribes at the turn of our era. Saransk; 1980. (In Russ.)
17. Tsygankin DV. Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2013;3. (In Russ.)
18. Shigurova TA. Mordvinian (Moksha) women's costume of the Insar district of Penza province of the mid XIX century: local peculiarities. *Chelovek i kul'tura* = Man and Culture. 2021;4:91–105. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36337.
19. Shigurova TA. Costume of the Mordovian people in customs and rituals. Monograph. Moscow; 2020. (In Russ.)
20. Shigurova TA. Nakosnik puloker as a component of the Moksha national costume: on the problem of genesis and ethno-cultural meanings. *Chelovek i kul'tura* = Man and Culture. 2023;3:69–84. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40553.
21. Heikel AO. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors; 1899.

Submitted 23.04.2022; reviewing 25.09.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. A. Shigurova – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, National Research Mordovia State University, shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>